

УДК 921.161.1.09+316.613(570)+929 Розанов

«МИФА РАДИ ЮРОДИВЫЙ»: К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТНОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В. В. РОЗАНОВА

Е. М. Криволапова

Курский государственный университет
E-mail: elena_vroblevska@mail.ru

В статье анализируется понятие «юродство» в свете социокультурных тенденций начала XX в. Устанавливается правомерность взгляда на В. В. Розанова как юродивого «своего времени». Обосновывается положение о том, что юродство Розанова определялось поведенческим стереотипом культуры начала XX в., в соответствии с которым он «творил» свой личный миф.

Ключевые слова: юродство, социокультурная ситуация, миф, литературная игра, поведенческий стереотип.

«Foolish for Myth's Sake»: to the Problem of Personal and Creative Strategy of V. V. Rozanov

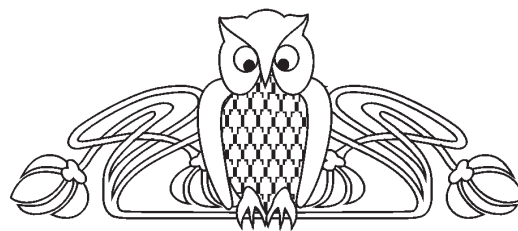
Е. М. Krivolapova

In the article the concept of «foolishness for Christ's sake» is analyzed in the light of socio-cultural tendencies of the beginning of the XXth century. The legitimacy of regarding V. V. Rozanov as one the «foolish» of his time is established. The fact is that Rozanov's «foolishness» was defined by a behavioural stereotype of the beginning of the XXth century culture according to which he «was creating» a personal myth.

Key words: «foolishness (for Christ's sake)», socio-cultural tendencies, myth, literary game, behavioural stereotype.

В своем очерке «Задумчивый странник» З. Гиппиус, обращаясь к памяти В. В. Розанова, предпринимает попытку найти объяснение его личностной и творческой уникальности. Для нее Розанов прежде всего «явление», нежели «человек», а потому к нему неприложимы «общечеловеческие мерки и обычные требования»: «Он есть редкая ценность, но, чтобы увидеть это, надо переменить точку зрения. Иначе ценность явления пропадет...»¹.

Современные исследователи, также пытаясь найти объяснение феномену В. В. Розанова, отождествляют его с различными поведенческими типами: это «человек Достоевского с карамазовским началом», о котором писал в свое время Н. Бердяев, «подпольный парадоксалист», вторящий герою «Записок из подполья»², юродивый с «заднего двора литературы»³. Причем последняя идентификация, пожалуй, самая удобная, поскольку как нельзя лучше вписывается в систему координат, позволяющую объяснить протеизм писателя, его имморализм, стремление к заголению, а также избранную им стилистическую манеру изложения мыслей в «Уединенном», «Опавших листьях», «Мимолетном». Возможно, по этой причине «рассуждения о юродивости стали общим местом в литературе» о Розанове⁴.

В этой связи нельзя обойти вниманием еще одно обстоятельство. То, что слово «юродство» на рубеже веков оказалось столь популярным и даже стало «любимым словечком “прогрессивной критики”»⁵, вовсе не случайно, поскольку замечено, что «общественная роль юродства возрастает в кризисные для Церкви времена»⁶, а в данном случае – и для всех институтов русского общества конца XIX – начала XX в. Но в общественно-литературном контексте рубежа веков слово «юродивый» приобретает особые коннотации, в большей степени негативные. «В нашей литературе замечается одно курьезное явление: высказывание время от времени юродивых и кликуш <...> Юродство и кликушество, кажется, вообще составляют одну из характерных черт русской жизни», – писал критик В. П. Буренин в 1895 г.⁷ Примечательно, что званием «юродивый» он, помимо Розанова, удостоил и поэтов-декадентов В. Брюсова и А. Добролюбова как возмутителей спокойствия почтенной публики, приписывая им «чистейшее литературное сумасшествие». Что касается Розанова, то к середине 1890-х гг. у него «уже была прочная репутация крайнего реакционера и юродивого, и эта репутация елейного, фарисействующего обскуранта возникла не без активного участия Владимира Соловьёва, после эффектного фельетона которого за Розановым закрепилось прозвище “Иудушка Головлев”»⁸.

В 1899 г. А. И. Богданович пишет о юродстве как явлении, породившем «сорт» литературы далеко не лучшего качества: «Есть особый сорт литературы, для которого мы не можем подобрать более верного названия, как юродствующая литература»⁹. К «представителям юродствующего цеха», известным на «святой Руси», критик относится с явным скептицизмом, равно как и к сочувствующим и внимающим их «благоглупости»: «Всякому, конечно, памятно еще из учебников, кто были наши юродивые и какими нехитрыми способами привлекали они внимание и сочувствие толпы. Обыкновенно это были несколько поврежденные в уме, но с достаточной хитрецей нищие духом, которые при помощи наивных приемов старались выделиться из ряда обычных нищих и создавали иной раз почетное себе имя, перешедшее даже в историю. Одни из них, затвердив какое-либо глупое, но мало понятное слово или фразу, говорили его кстати и некстати и тем навели мистический страх на простодушных слушателей. Другие ограничивались тем, что ходили в

одной рубахе или ездили на палочке верхом...»¹⁰. Подготовив таким образом необходимую «почву», А. И. Богданович наконец представляет тех, которые, по его мнению, «возомнили себя пророком и сосудом особой мудрости»: это «г. Меньшиков из “Недели” и г. Розанов из недр нашей реакционной прессы <...> Оба щеголяют во всей, если можно так выразиться, душевной наготе, оба имеют по палочке, на которой лихо гарцуют по страницам печатной бумаги, на соблазн и изумление читающего мира»¹¹.

В 1911 г. тему юродства Розанова в очередной раз поднимает Р. В. Иванов-Разумник. Критик отмечает, что «время юродивых прошло, тип их изменился, само слово получило новый оттенок, заволокло дымкой презрения, насмешки, сожаления»¹². Но, между тем, у русской литературы (точнее, ее «заднего двора») есть свой юродивый, роль которого «с успехом играет В. Розанов». Иванов-Разумник сопоставляет два типа юродства, характерных для русской жизни: «Христа ради юродивый» – «это глубоко трогательный и интересный тип, наш, русский тип XIV–XVIII века» и «юродство нравственной и умственной распущенности, юродство истинно-русского хамства», юродство «себе-на-уме»¹³.

«Кто же В. Розанов?» – задается вопросом критик. «Во Христе юродивый»? «Во Хаме юродивый»? «Ни тот, ни другой, – приходит он к выводу, – или, если угодно, серединка на половинку. В. Розанов – сам по себе; юродство его (особенно за последнее время) часто бывает себе-на-уме, часто заливаема оно волной истинно-русского хамства; но многое здесь является только тяжелым, хотя и мало сознаваемым, крестом этого оригинальнейшего из современных русских писателей. Сперва видишь только отталкивающие черты “во Хаме юродивого”, и лишь постепенно приучаешь себя обращать фокус внимания не на эту грязную внешнюю оболочку, а на главное, на внутреннее, на существенное»¹⁴.

В «распущенности» Розанова, считает Р. Иванов-Разумник, «конечно, есть доля себе-на-уме, доля хитренького юродства: ведь оригинально оно выходит...», но «распущенность» эта «намеренная», «это его органический дефект»¹⁵. Не обходит критик и пресловутой «двуликости» Розанова, проявляющейся в сотрудничестве с двумя совершенно разными газетами – «Новое время» и «Русское слово». В «Новом времени» Розанов «консервативен, благонамерен, услужлив, почтителен к начальству», в «Русском слове» – «либерален, вольнодумен, порою дерзок: в первой перед читателями – хамски-угодническое, во второй – благородно-либеральное лицо двуликого Януса. Надо прибавить, правда, что истинное лицо его – первое, а второе – если не маска, то, во всяком случае, явная гримировка...»¹⁶. Иванов-Разумник не расставляет акцентов по поводу истинности или мнимости юродства Розанова: в одном случае это лишь «ужимки юродивого»,

«явная гримировка», в другом же – «бессознательное юродство». Но, тем не менее, сами признаки юродства у Розанова – парадоксальность поведения, противоречивость взглядов – критик выделяет достаточно точно. Поэтому имеет смысл обратиться к феномену юродства и соотнести его с историко-культурным контекстом рубежа XIX–XX вв.

По мнению А. М. Панченко, «в житейском представлении юродство непременно связано с душевным или телесным убожеством. Юродивый с точки зрения пресловутого здравого смысла – обыкновенный дурачок»¹⁷. Заметим, что и для Богдановича юродивые – это «обыкновенно несколько поврежденные в уме», хотя и «с достаточной хитрецей». «Это заблуждение, – утверждает А. М. Панченко, – о чем не уставало твердить православное богословие. Св. Димитрий Ростовский в своих Четьих Минеях (они были настольной книгой многих поколений русских интеллигентов – от Ломоносова до Льва Толстого) поясняет, что юродство – “самопроизвольное мученичество, маска, скрывающая добродетель”»¹⁸. Обратим внимание, что репутация Розанова в плане душевного здоровья тоже была небезупречной и неоднократно подвергалась сомнению. Определение Розанова как «писателя с органическим пороком», данное ему П. Б. Струве за переменчивость его взглядов и неустойчивость нравственной позиции, достаточно долго сопровождало его и трактовалось как духовно-психологический изъян личности (об «органическом дефекте» Розанова писал и Р. В. Иванов-Разумник в том же 1911 г.).

Если следовать точке зрения А. М. Панченко, Розанова можно отнести «к типу не только душевно здоровых, но и интеллигентных юродивых», где «интеллигентное юродство – не оксюморон и не парадокс», а одна из форм «интеллектуального критицизма»¹⁹. Попробуем соотнести поведенческий тип Розанова с традициями древнерусского юродства.

Юродство подразумевает добровольное подвигничество, нищету, наготу, одиночество, бездомность. Один из самых ярких его признаков – это самоуничужение, доходящее до крайности. У Розанова в «Уединенном» читаем: «Ни о чем я не тосковал так, как об *унижении*. “Известность” иногда радовала меня – чисто пороссячим удовольствием. Но всегда это бывало ненадолго (день, два): затем вступала прежняя тоска – быть, напротив, униженным»²⁰; «...да, я приобрел “знаменитость”... О, как хотел бы изодрать зубами, исцарапать ногтями эту знаменитость, всадить в нее свой гнилой зуб, последний зуб»²¹. Розанов постоянно подчеркивает свои «некрасивость», «мизерабельность», «ничтожность», которые, как ему казалось, проявлялись и во внешнем облике, и в «неблагородной» фамилии, и в негативных качествах натуры: «Удивительно противна мне моя фамилия. <...> Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному

виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре – и “сколько тайных слёз украдкой” пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волосы прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат вверх, но не благородным “ежом” (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо, и как я не видал ни у кого. Помадил я их, и все – не лежат. Потом домой приду, и опять зеркало (маленькое, ручное): “Ну, кто такого противного полюбит”. Просто ужас брал... <...> Теперь же это мне даже нравится, и что “Розанов” так отвратительно; к дополнению: я с детства любил худую, заношенную, проношенную одежду. “Новенькая” меня всегда жала, теснила, даже невыносима была»²². Правда, через несколько строк читается как бы опровержение всего написанного: «И “отлично! Совсем отлично!” На кой черт мне “интересная физиономия” или еще “новое платье”, когда я сам (в себе, комке) бесконечно интересен... <...> Хорошо! Совсем хорошо...»²³.

В этом самоуничижении современники Розанова усматривали лукавство. Весьма показательны впечатления Андрея Белого от первой встречи с Розановым: за бросающейся в глаза внешней простотой он распознал совсем не простого человека, отсюда и известная характеристика – «хитер нараспашку». Но о том же самом, ничуть не скрываясь и не смущаясь, сообщал своему читателю и Розанов: «...я имел преимущества хитрости (русское “себе на уме”)...»²⁴.

По отношению к себе Розанов неоднократно употребляет слово «дурак»: «Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать?»²⁵. В. Фатеев заметил: «“Дурак” у Розанова – это не только бранное слово, но и выражение “иной”, иррациональной, юродской *правды*, нераздельно связанной более с наивностью, с сердцем, нежели с рассудком. <...> Розанова привлекает образ Иванушки-дурака, “который на самом деле всех умнее, а главное – всех удачливее и счастливее”, как олицетворение русского народного характера. <...> Свое прощальное *письмо* к искусствоведу Н. Е. Макаренко незадолго до кончины Розанов подписал соответственно: “Васька дурак Розанов”»²⁶. Смиряться и принимая образ дурака, Розанов от самоуничижения поднимается и к осознанию в себе человека, которому дано постичь высший смысл: «...там, может быть, я и “дурак” (есть слухи), может быть, и “плут” (поговаривают); но только той *широты* мысли, *неизмеримости* “открывающихся горизонтов” ни у кого до меня, как у меня, не было. <...> Я прямо удивительный человек»²⁷.

«Общим местом» в характеристике Розанова стало его отношение к традиционной морали. Но его пресловутый «иммориализм» выглядит абсолютно закономерным именно в контексте юродского поведения, которое, помимо прочего, характеризовалось резкими перепадами настрое-

ния – от «возвышенного религиозного экстаза до глумления над нравственными идеалами». То же самое у Розанова: «Я не такой подлец, чтобы думать о морали»; «...удивительно, как я удедывался с *ложью*. Она никогда не мучила меня». И вдруг неожиданное: «...а ведь по существу-то – Боже! Боже! – в душе моей вечно стоял монастырь»²⁸.

Свой очерк о Розанове З. Гиппиус неслучайно назвала «Задумчивый странник», поскольку мотивы странничества, одиночества, характерные для юродства, неоднократно звучат в произведениях Розанова. Ключевой фразой многочисленных автохарактеристик писателя можно считать следующую: «Собственно, я родился странником; странником-проповедником»²⁹. Вокруг нее группируются другие: «Одному мне все-таки лучше»; «“Точно я *иностранец* – во всяком месте, во всяком часе, где бы ни был, когда бы ни был”. Все мне чуждо, и какой-то странной, на *роду* написанной, отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел – не могу ни с чем слиться»; «Между тем как странная черта моей психологии заключается в таком сильном ощущении *пустоты около себя*, – *пустоты безмолвия и небытия* вокруг и *везде*...»; «Страшное одиночество за всю жизнь»³⁰.

Пренебрежение ко всякой социальной иерархии тоже входит в «обязанности» юродивого. Если в XVI–XVII вв. запердельной дерзостью почиталось обличение самодержцев (достаточно вспомнить хрестоматийный сюжет о встрече Николая Псковского с грозным царем Иваном Васильевичем), то в начале века XX эквивалентом подобной дерзости могло бы стать совершенно непозволительное в глазах современников общение Розанова... с автором «Войны и мира»: обращается к нему на «ты», осмеливается поучать... Реакция негодующих современников (которые, надо полагать, не поставили бы в вину Василию Васильевичу подобных выпадов в адрес Николая П!) последовала незамедлительно. Так, В. П. Буренин писал: «Убедившись, что гр. Л. Толстой – великий грешник и даже преступник, и чувствуя, конечно, свою фарисейскую праведность, г. Розанов обращается к гр. Толстому с поучением. “Отчего же *ты*, – говорит кроткий проповедник буйному грешнику и преступнику, – не попытаешься покориться Богу? Ты не хочешь “сопротивляться злу” и – сопротивляешься даже Богу? Ты все умничаешь, выдумываешь, лепишь снова человека из глины, когда его уже слепил Бог”»³¹.

Критик до того возмущен поведением Розанова, что ему остается только развести руками: «Понимаете ли, читатель, что хочет сказать г. Розанов? Вот что хочет сказать: Толстой до того преисполнен греховным дерзновением, что вздумал “лепить” людей по своему образцу»³². Дальше – больше. Розанов добирается до самых сокровенных моментов в жизни великого писателя и имеет дерзновение поучать его с высоты сакрального опыта, которым наделен каждый истинный юродивый: «Ты ищешь веревки, – про-

должает г. Розанов с блаженной улыбкой, – на которой бы удавиться... Прими в самой малой части советы мои...»³³. В «увещеваниях» Розанова критику видится юродство особого толка, за которым не святость, а «прирожденное или притворное фарисейство»; поведение Розанова вызывает ассоциации с сектантами, впадающими в «транс». Впрочем, Буренин допускает и возможность «маскировки», умышленной игры со стороны Розанова: «Словом, тут не критика, а истерическая чепуха, если только не истерически-лицемерная комедия с какими-либо практически, а не литературными целями...»³⁴.

В этой связи закономерен вопрос: насколько юродство Розанова было искренним? Или же это форма литературной игры, ведущейся по своим специфическим законам? Какова во всем этом доля мистификации, помогающей осуществлению поведенческой стратегии писателя? И здесь опять приходится обращаться к феномену юродства. Дело в том, что по своей природе юродивый – это всегда актер, который «играет», юродствует только на публике. Личину безумия он надевает только для зрителя, для него он «глумится» и «шалует», так же как и скоморох³⁵. Именно так обстояло дело с Розановым. В одной из его «автохарактеристик» читаем: «...я шалунок у Бога. Я люблю шалить. Шалость, маленькие игры (душевные) – мое постоянное состояние. Когда я не играю, мне очень скучно, и потому я почти постоянно играю»³⁶.

Юродивым Розанов был для «толпы», для «зрителей», но что касается его собственного дома и семьи, то здесь он неизменно оставался самим собой: имея в лице жены преданного «друга» («другу» посвящены самые искренние и трогательные страницы его произведений) и являясь заботливым отцом, он всячески стремился оградить семью от своих разного рода «опытов» и «маленьких душевных игр», компрометирующих его в глазах близких.

Интересны в этом отношении дневниковые записи секретаря Петербургского религиозно-философского общества С. П. Каблукова периода его дружбы с Розановым, в которых последний представлен человеком чудаковатым и рассеянным, но без малейшего намека на юродство. Легкая добродушная ирония, сквозящая в записях автора, скорее говорит об оригинальности натуры Розанова, его стремлении к эпатажу. Каблуков приводит несколько случаев неординарного поведения Розанова: «В воскресенье был я у Вас. Вас. Розанова, живущего в Тюрисево, в 11-ти верстах от меня. Он очень мил и трогательно забавен в своей неприспособленности к “хозяйству” жизни. Рассеян безмерно, ибо постоянно углубляется умом и мыслию в занимающие его вопросы, действительно значительные и интересные, но зато он подлинно глубокомыслен в высшем и лучшем значении этого слова. Рассеянность эта проявилась на днях в таком случае: поехал он в П<етербур>г на ночь, а с утра следующего дня

заялся посещением знакомых дам, побывал у сестры А. В. Карташёва, где познакомился ещё с двумя девицами, и зашёл к Марии Адамовне Тернавцевой. После “трудового” дня приходит в редакцию, где и встречают его вопросом: “В. В.! Почему это вы сегодня – без галстука?!” Это его и смутило, рассказывая мне этот случай, он сказал, что женщины очень коварны и что М. А. Т. должна была сказать ему, что он позабыл надеть галстук, и дать галстук мужа. Но она промолчала, хотя, конечно, заметила...

Иной раз ему случается попадать в поезда, не доходящие до Териоки ... оставаясь в Петербурге, он почти голодает, питаюсь яйцами, так как не может есть в ресторанах, – противно и невкусно. В поезде и трамваях делает попытки заговорить с попутчиками, но тщетно, ибо его замечания встречаются холодным молчанием глупых (о, да!) пассажиров»³⁷.

Игра, вписывающаяся в поведенческую парадигму юродивого, предполагает наличие зрителя, «ведь юродивый – не только актер, но и режиссер. Он руководит толпой и превращает ее в марионетку, в некое подобие коллективного персонажа. Толпа из наблюдателя становится участником действия, реагирует непосредственно и страстно. Так рождается своеобразная игра»³⁸. Для Розанова «ареной представления» являлась его публицистическая деятельность, а его критики, оказавшись втянутыми в «действие», под влиянием Розанова-режиссера «непосредственно и страстно» реагировали на его «шалости», как это было, например, в случае с В. П. Бурениным, да и не только с ним.

Уместно вспомнить еще один фрагмент из дневника С. Каблукова как свидетеля и наблюдателя подобной «игры», разворачивающейся уже на другой «арене» – заседании Религиозно-философского общества. Автор дневника не описывает поведения Розанова и не воссоздает ситуации, сложившейся там, но вывод, который он делает, достаточно красноречив, чтобы по нему можно было реконструировать возможные действия Розанова-режиссера: «Мережковский правильно сказал, что Розанов лукав и хочет разрушить дело христианства в России. Это было на сегодняшн. собрании: при этих словах Вас. Вас. Розанов хитро улыбался»³⁹.

А. М. Панченко утверждал, что идеальным костюмом юродивого является нагота. Применительно к Розанову «заголение» выразилось в особенном розановском «интимничанье», разговорах на не принятые в обществе и не совсем приличные темы, притом и не совсем приличным языком. Распушенность Розанова, «полнейшая и намеренная», ассоциируется у критиков с его появлением в обществе «с заспанным лицом и в расстегнутом халате», а сам Розанов «вполне заслуживает названия человека в одном нижнем белье. И к тому же – слишком часто белье это на нем бывает грязное...»⁴⁰.

Солидарность с «общественным мнением» проявила и З. Гиппиус, высказавшись по поводу публичного «заголения» Розанова в «Уединенном», на что тот не без иронии парировал ее удар в «Опавших листьях»: «“Такой книге нельзя *быть*” (Гип. об “Уед.”). С одной стороны, это – так, и это я чувствовал, отдавая в набор. <...> Но с другой стороны, столь же истинно, что этой книге непременно *надо быть*, и у меня даже мелькала мысль, что собственно все книги – и должны быть такие, т. е. “не причесываясь” и “не надевая кальсон”. В сущности, “в кальсонах” (аллегорически) все люди не интересны»⁴¹.

Облик Розанова-юродивого, каким представляли его критики, в высшей мере непривлекателен: грязный, нагой, неприятно пахнущий человек, как «из выгребной ямы» (под «выгребной ямой» подразумевалось «Новое время» А. С. Суворина. – Е. К.): «Добрые друзья и соседи В. Розанова по выгребной яме иной раз именуют его на столбцах той же газеты: “почтенный В. В. Розанов”, “благородный В. В. Розанов”... Благородный Розанов! – вот яркий пример *contradictionis in adjecto!*» (противоречие в определении. – Е. К.)⁴². Розанов же, поднимаясь до положения юродивого и принимая его позу, изрекает в ответ своим критиками: «Да не воображайте, что вы “нравственнее” меня. Вы и не нравственны, и не безнравственны. Вы просто сделанные вещи. Магазин сделанных вещей. Вот я возьму палку и разобью эти вещи.

Нравственна или безнравственна фарфоровая чашка? Можно сказать, что она чиста, что хорошо расписана, “цветочки” и все. Но мне больше нравится Шарик в конуре. И как он ни грязен, в сору, – я, однако, пойду играть с ним. А с вами – ничего»⁴³. По всей вероятности, Розанову было известно, что собака – это почти непременный спутник юродивого, «символический знак отчуждения», поскольку о себе он говорил: «И я “собака Божия”, играющая “на Божьем дворе” и никуда не хотящая с него уйти»⁴⁴.

В этой связи любопытно и следующее совпадение. Известно, что в разговоре с М. Горьким о Розанове Л. Андреев, давая выход своим негативным эмоциям по поводу последнего, высказался следующим образом: «Я не понимаю, что за охота тебе тратить время и труд даже на пощечины для этого ничтожного, грязного и отвратительного человека. Бывают такие шелудивые и безнадежно погибшие в скотстве собаки, в которых камнем бросить противно, жалко чистого камня»⁴⁵.

По справедливому утверждению И. Волгина, «обвинение в юродстве или по меньшей мере в умственной неполноценности – общий “фирменный знак” критики, поносящей Чаадаева, Толстого, Достоевского, Розанова...»⁴⁶. Исследователь считает, что Розанов «сам готов порой подыграть почтенной публике и занять отводимую ему нишу. Его самоуничижительные (или, напротив, самовосхваляющие) характеристики – это литературные маски, правда, почти приросшие к

лицу», а «розановский протеизм – одно из условий его литературной игры»⁴⁷. Замечено, что Розанов готов «подыгрывать почтенной публике», но он не предлагает правил игры, поскольку они были определены уже задолго до него. Розанов усвоил их на уровне коллективного бессознательного русской жизни и русской культуры. Отметим, что юродство Христа ради – это сугубо православный тип подвижничества, неизвестный католическому и уж тем более протестантскому миру.

Нельзя, разумеется, не принимать во внимание и социокультурных установок эпохи, определяющих игру как культурную доминанту. «Литературные маски» Розанова, «почти приросшие к лицу», – это одна из закономерностей эпохи рубежа веков. Поведенческая модель Розанова формировалась в соответствии с игровыми установками времени, когда игра определяла конкретные формы культурной деятельности. Так, «неотъемлемой частью бытия русских символистов» были «устранение общепринятых условностей, смещение нравственных акцентов, нарочитый эротизм, отрицание определенных аспектов морали, декларация имморализма, литературность поведения»⁴⁸. В этом отношении литературная судьба Розанова во многом схожа с судьбой Гиппиус: для них обоих мифологизация, обеспечивающая осуществление их личностной и художественной стратегии, стала доминирующим началом в творчестве.

Что касается вопроса о «типе» розановского юродства, то здесь целесообразно будет обратиться к высказыванию И. А. Ильина. Рассуждая о характере творчества А. Ремизова, также носящего на себе «ярлык» юродивого, философ говорит об особом типе юродивого, созданном определенным временем, подчиненном социокультурному влиянию эпохи. Пытаясь определить этот тип, И. А. Ильин называет его «юродивым в пределах культуры»: «Он есть “сердца ради юродивый” и “мифа ради юродивый”»⁴⁹. А «сущность этого юродства состоит в освобождении души от требований трезвого рассудка и от дневной цензуры разума; <...> от традиционных литературных форм, тем и стилей»⁵⁰.

Примечания

- ¹ Гиппиус З. Задумчивый странник // Василий Розанов : Pro et contra : в 2 кн. СПб., 1995. Кн. I. С. 143–144.
- ² Об этом см.: Волгин И. Метаморфозы личного жанра («Дневник писателя» Достоевского и «Опавшие листья» Розанова) // Наследие В. В. Розанова и современность : материалы Междунар. научн. конф. М., 2009 ; Йованович М. Василий Розанов и Записки из подполья. Белград, 2004.
- ³ Это определение было дано Р. В. Ивановым-Разумником (Иванов-Разумник Р. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пг., 1922) и подхвачено А. Снявским (Снявский А. Иван-Дурак. Очерк народной веры. Париж, 1991 ; Он же. «Опавшие листья» В. В. Розанова. М., 1999).

- 4 Фатеев В. Публицист с душой метафизика и мистика // В. В. Розанов : Pro et contra. Кн. I. С. 13.
- 5 Волгин И. Указ соч. С. 66.
- 6 Панченко А. Юродивые на Руси // О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 345.
- 7 Буренин В. Критические очерки. Литературное юродство и кликушество // В. В. Розанов : Pro et contra. Кн. I. С. 303.
- 8 Фатеев В. Указ. соч. С. 24.
- 9 Богданович А. Юродствующая литература : «О любви», М. О. Меньшикова ; «Сумерки просвещения», В. В. Розанова // Мир Божий. № 4. 1899. С. 1.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 2.
- 12 Иванов-Разумник Р. Розанов // Иванов-Разумник Р. Творчество и критика. С. 83.
- 13 Там же. С. 83–84.
- 14 Там же. С. 84.
- 15 Там же. С. 85.
- 16 Там же. С. 86–87.
- 17 Панченко А. Указ. соч. С. 337.
- 18 Там же.
- 19 Там же. С. 338.
- 20 Розанов В. Уединенное // Розанов В. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 233.
- 21 Там же. С. 264.
- 22 Там же. С. 210–211.
- 23 Там же. С. 212.
- 24 Там же. С. 258.
- 25 Там же. С. 210.
- 26 Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 2346.
- 27 Розанов В. Уединенное. С. 254.
- 28 Там же. С. 238, 247, 259.
- 29 Там же. С. 269.
- 30 Там же. С. 229, 241, 255, 265.
- 31 Буренин В. Указ. соч. С. 304.
- 32 Там же. С. 305.
- 33 Там же. С. 307.
- 34 Там же. С. 306.
- 35 Панченко А. Указ. соч. С. 339.
- 36 Розанов В. В. Собрание сочинений. Сахарна / под общ. ред. А. Николукина. М., 2001. С. 77.
- 37 ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 5. Л. 9 – 10.
- 38 Панченко А. Указ. соч. С. 339.
- 39 ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 4. Л. 18.
- 40 Иванов-Разумник Р. Указ. соч. С. 86.
- 41 Розанов В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В. В. Сочинения. Т. 2. С. 454.
- 42 Иванов-Разумник Р. Указ. соч. С. 90.
- 43 Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый. С. 310.
- 44 Розанов В. Собрание сочинений. Сахарна. С. 166.
- 45 Максим Горький и Леонид Андреев : Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. С. 341.
- 46 Волгин И. Указ. соч. С. 66.
- 47 Там же. С. 67.
- 48 Казакова Н. Розанов и символизм // Наследие В. В. Розанова и современность. С. 83.
- 49 Ильин И. О тьме и просветлении : Книга художественной критики : Бунин – Ремизов – Шмелёв. Мюнхен, 1959. С. 100.
- 50 Там же. С. 102.

УДК 821.161.1.09–31+821.134.2.09-31+929 [Набоков+Сервантес]

ВЛАДИМИР НАБОКОВ, АВТОР «ДОН КИХОТА»

Э. Р. Гусейнова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmiraguseinova79@gmail.com

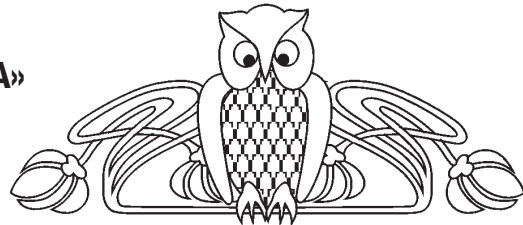
В статье анализируется метарефлексия В. В. Набокова в лекциях о «Дон Кихоте» Сервантеса. Проводятся аналогии между романами Набокова «Отчаяние», «Пнин» и «Дон Кихотом» Сервантеса. Рассматривается такая форма набоковской критики, как игра в Дон Кихота.

Ключевые слова: игра, автор, читатель, метарефлексия, В. Набоков, М. Сервантес.

Vladimir Nabokov, the Author of *Don Quixote*

E. R. Guseinova

The article analyzes the metareflection on Cervantes's *Don Quixote* in Nabokov's Lectures, draws an analogy between Nabokov's *Despair*, *Pnin* and Cervantes's *Don Quixote*. Such a form of Nabokov's literary criticism as playing *Don Quixote* is considered.

Key words: game, author, reader, metareflection, V. Nabokov, M. Cervantes.

В интервью 1963 г. В. Набоков признавался, что «наслаждение, получаемое от творчества, в точности соответствует наслаждению от чтения; это блаженство, упоение фразой одинаково и для читателя, и для писателя – то есть для удовлетворенного собой автора и для благодарного читателя, или – что по сути то же – для творца, благодарного неведомым силам своего воображения за подаренную комбинацию образов, и для творческого читателя, которому эта комбинация приносит удовлетворение»¹.

Роман Сервантеса – это роман о читателе, и здесь рождается любопытная коллизия: Набоков